

М. С. Павловнин

Основные направления развития политико-конфессионального взаимодействия

Религия представляет собой набор культурных систем, систем взглядов и мировоззрений, которые устанавливают символы, касающиеся отношения человечества к духовности и моральным ценностям. После появления случаев религиозной нетерпимости никто не будет отрицать значения религии в политике. Религиозная вера остается в сложном взаимодействии со структурами и процессами современного мира, и эти сложности со временем только усилились.

Ключевые слова: религия, религиозные системы, религиозные институты, конфессиональное взаимодействие, политика, социально-политическая сфера, религиозно-политический конфликт.

M. S. Pavlovnin

Main Directions of Political-Confessional Interaction Development

Religion is a collection of cultural systems, systems of points of view and worldviews that establish symbols relating humanity to spirituality and moral values. One of the most debated issues today is the role that faith and religion should play in society. Religious faith persists in a complex interaction with the structures and processes of the modern world and that complexity has intensified under the conditions of the contemporary world.

Keywords: religion, religious systems, religious institutions, confessional interaction, policy, a socio-political sphere, a religio-political conflict.

Рассматривая феномен взаимодействия религии и политики через призму политологической науки и актуальной политической практики, мы намеренно воздержимся от использования богословско-теологических механизмов интерпретации и будем трактовать процесс взаимодействия политики и религии как комплекс явлений, протекающих в области пересечения двух специфических систем социального регулирования. Противоречивость и неоднозначность данного процесса обусловлена объективными причинами и прежде всего – уникальной спецификой, отличающей каждый частный случай выстраивания политико-религиозного диалога. На характер религиозно-политического (и как частный случай – государственно-церковного взаимодействия) влияют многие факторы. Это и собственно социальная стратегия религии или комплекса религий, распространенных в конкретном обществе, а также характер взаимоотношений в поликонфессиональной среде, и сложившийся социальный статус религии, и характеристики политической надстройки – форма правления, тип политического режима, и традиции политического поведения, а также многочисленные экономические, культурные и иные факторы. Большое значение имеют и внешние вызовы, зачастую становящиеся не только перед нор-

мами и институтами традиционной религии, но и перед политической системой общества.

Значительное влияние на политический процесс оказывает разность динамических потенциалов религиозной и политической сфер жизни общества – религия, будучи наиболее сильно привязана к моделям прошлого, статичным ценностям и установочным системам, имеет тенденцию к запаздывающему и затрудненному восприятию качественно новых явлений. Эта разность потенциалов способна генерировать социальное противоречие, разрешение которого зачастую затрагивает политическую сферу жизни общества, побуждая носителей религиозного сознания использовать в своих интересах различные политические механизмы как наиболее эффективные.

Анализ научной литературы, а также актуальных тенденций современного политического процесса на различных уровнях позволил нам выделить два основных направления развития политико-конфессионального взаимодействия, связанных, в свою очередь, с несколькими функциональными аспектами процесса выстраивания политико-конфессионального диалога, – это религиозно-политический конфликт и консенсусное сосуществование двух систем. Религиозно-политический конфликт видится нами как конфликт, порождаемый фундаментальным социаль-

ным, политическим, экономическим или ценностно-культурным противоречием, детерминированный или подпитываемый религиозными факторами и перенесенный в политическую сферу (как правило, его разрешение возможно лишь с использованием политических средств). Спектр подобного рода взаимодействий достаточно широк, причем в большинстве случаев речь идет о противоречии, носящем изначально светский характер. Собственно религиозная конфликтогенность имеет место в условиях масштабного ценностного противоречия и проявляется либо как гипертрофированная модель самозащиты конфессиональной среды путем масштабной социально-политической и религиозной экспансии (внешний вектор), либо как утверждение в политике элементов религиозного фундаментализма (внутренний вектор). Религиозно-политический консенсус, в свою очередь, проявляется во взаимодополняющем функционировании религиозной и государственно-правовой систем в сфере социального регулирования, адаптации социально значимых конфессиональных норм к динамично развивающимся и меняющимся социально-политическим реалиям, а также способности религии выступать дополнительным фактором социально-политической стабилизации.

Первая модель политико-конфессионального взаимодействия, которую нам хотелось бы обозначить, связана с консенсусным функционированием двух систем. «Консенсус» в данном случае означает не отсутствие противоречий (они неизбежны в связи с принципиальным расхождением концептуальных оснований религии и политики, а также преследуемых ими целей), а наличие определенных точек соприкосновения в поле социальной деятельности, что позволяет говорить об определенной гармоничности политико-конфессионального взаимодействия. Предельными воплощениями подобной модели могут служить теократия, в которой политика напрямую вытекала бы из религиозных постулатов, и сепаратная демократия, никак не эксплуатирующая политический потенциал религии и не препятствующая осуществлению последней масштабного социального служения. Здесь не следует забывать, что мобилизация и интеграция общества может основываться не только на принципах религиозной солидарности, но и на идеях джихада [2, с. 105]. Абсолютно гармоничное сосуществование политики и религии, по-видимому, невозможно, во всяком случае, без радикальной трансформации одной из этих систем, или обеих сразу. Исто-

рический опыт показывает, что религиозные и политические институты сотрудничали, когда необходимо было противостоять внешней угрозе или бороться против активных действий протеста внутри страны.

Говоря о моделях, практически осуществимых в настоящее время, следует отметить следующие моменты консенсусного взаимодействия религии и политики. На уровне массового сознания, особенно в условиях кризисного состояния общества, когда в обществе превалируют настроения разочарования в прошлом и настоящем и тревога по отношению к будущему, религия видится не фактором конфликта, а фактором стабильности, «панaceй от общественных болезней» [3, с. 137]. Несмотря на относительно высокую теоретизацию массового сознания современного общества, в нем доминирует социально-психологический фактор, определяющий, насколько морально и правомерно то или иное явление общественной жизни. Религия способна легитимировать некоторые социально-политические элементы прежде, чем их закрепление произойдет на государственном уровне. Стабилизационный и консолидационный потенциал религии, в отличие от одновременно присутствующего ей дестабилизационного и дезинтеграционного потенциала, может и должен использоваться вместе с аналогичными механизмами, имеющимися в распоряжении политических структур.

На уровне социального действия консенсус проявляется через раскрытие стабилизационного потенциала религии в интересах политической системы и всего общества в целом. Широко распространенным в политической практике является привлечение религии как фактора легитимации власти, что становится возможным благодаря способности религии к сакрализации определенных норм или институтов общественного бытия. «Из двух типов средств сохранения власти – физическое принуждение, насилие или угроза насилием и манипулирование сознанием людей – все большую роль приобретает второе. И здесь наряду с многочисленными светскими концепциями, призванными ориентировать сознание людей на поддержку того или иного политического режима, большое значение имеет религия, на протяжении веков учившая массы тому, что всякая власть от Бога» [6, с. 60].

На институциональном уровне религиозно-политический консенсус не ограничивается простым сотрудничеством религиозных организаций с органами политической власти и иными общественно-политическими институтами, а также со-

циальным служением церквей. Широкое распространение имеет тенденция включения религиозных организаций в политическую систему посредством создания различных политических партий по конфессиональному принципу. Если обратиться в качестве примера к христианскому миру, то можно заметить обратно пропорциональную зависимость между степенью их политического влияния, успешности и «религиозностью» как таковой. Подобные партии являются в значительной степени сугубо политическими институтами (это справедливо и для иудаистских, и для многих исламских политических партий и др.), однако история их возникновения является еще одним примером того, как религиозное начало способно эволюционировать в конструктивный политический продукт [6, с. 9].

Как отмечает С. Кальвас, первые массовые партии в европейской политике во многих странах оказались именно партиями, которые выросли из католического общественного движения. Эти движения были основаны на сети местных институтов, которые подчеркивали необходимость проведения социальной политики как на локальном, так и на национальном уровне. Они были неполноценными организациями, но работали с людьми на постоянной основе. Таким образом, они постепенно превратились в политические партии. Однако Римская католическая церковь сама представляла собой интересы определенных групп населения, и люди, которые находились в традиционной иерархии церкви, желали отстаивать свои позиции. Таким образом, «возник неизбежный антагонизм между церковью и этими общественными организациями. Причина, по которой эти организации превратились в партии, была очень простой: они были очень успешными и они были первопроходцами в области использования массовых организаций в качестве политического инструмента. Результатом этого процесса стало возникновение партий, которые также вышли из церкви, но вынуждены были дистанцироваться от нее в силу этого антагонизма. В какой-то степени этот процесс закончился тем, что сами эти партии, которые изначально были созданы для подрыва либеральной демократии, стали одним из столпов этой самой демократии» [4].

Таким образом, несмотря на известный ценностный антагонизм, в ряде случаев религия и политика способны взаимодополнять друг друга, что особенно целесообразно в кризисные и переходные периоды. Взаимодействие двух настолько различных систем в разных странах и культурах

балансирует между крайностями агрессивной секуляризации и тотальной клерикализации, зачастую осложняется острыми межконфессиональными противоречиями, однако соблюдение этого баланса позволяет значительно дополнить комплекс механизмов социального регулирования, социальной стабилизации, а также повысить их эффективность.

Одним из важнейших аспектов, привлекающих внимание мирового сообщества к проблеме взаимодействия политики и религии и позволяющих говорить о росте влияния религиозного фактора вообще и теологизации политики в частности, является конфликтный фактор. Среди политических конфликтов, вырастающих из религиозных или получающих религиозное обрамление впоследствии, особое место занимают конфликты, связанные с проблемой религиозной идентичности и наиболее ярко проявляющиеся на уровне массового сознания.

Кризис идентичности может возникнуть и в относительно гомогенных с точки зрения социальной стратификации обществах с налаженной системой межкультурного диалога при прохождении точки бифуркации исторического развития. Крах привычных социально-политических реалий, резкая смена ценностей и ослабление мобилизационного потенциала государственной идеи (или даже утрата таковой) приводит к росту спроса на традиционные этнокультурные или религиозные ценности как новую основу идентичности. Неизбежно следующая вслед за этими процессами идентификационная дивергенция активно эксплуатируется националистическими, сепаратистскими или экстремистскими силами. Особую остроту конфликты приобретают в случае пересечения этнических и классовых различий с религиозными. Религиозный фактор может выступать как наиболее яркое проявление межэтнического противоречия, а при наличии стабильных этнических, экономических или иных связей, интегрирующих общество, религиозная рознь становится единственным символом дифференциации. «Привычка видеть в представителях других религиозных групп врагов может усиливаться или ослабляться в зависимости от конкретных обстоятельств. Помимо межрелигиозных, религия может вызывать конфликты, связанные с ее существованием в светском обществе» [7, с. 33]. Например, нередки случаи, когда система религиозных ценностей противопоставляется системе светских норм как единственно заслуживающая уважения. Кроме того, религи-

озная приверженность может привести к конфликту между необходимостью следовать требованиям религиозной веры и светского закона.

Поскольку религиозный конфликт, как и любой другой, способствует усилению внутригрупповой сплоченности, конфликтное сосуществование различных групп может переходить в стадию перманентного состояния. В данном случае наиболее влиятельные представители противоборствующих сторон просто не испытывают необходимости в урегулировании и разрешении противоречия. В теории конфликта учитывается и то обстоятельство, что конфликты возникают не только между религиозными деноминациями, но и внутри них. Это может быть связано с внутригрупповым неравенством по различным признакам (от гендерных до статусных), противостоянием внутриконфессиональных парадигм (спор между модернистами, сторонниками обновления и реформ и традиционалистами-консерваторами) и др. В последнем случае, как правило, борьба выходит за рамки чисто теологического спора и отражает неоднородность духовенства, его различные социальные и политические ориентации. Идеиные разногласия проникают внутрь самих религиозных систем, а социальные контексты функционирования последних накладывают свой отпечаток на внутриконфессиональные взаимодействия. В результате возможен сценарий возникновения и развития в рамках той или иной конфессиональной ветви сильной, дегуманизирующей авторитарной тенденции, что особенно опасно в связи со способностью внутриконфессиональных конфликтов проявляться на политическом уровне, в том числе и в международных политических процессах.

«Линии религиозных разломов (совпадающие, кстати говоря, чаще всего с границами цивилизаций) приобретают весьма ощутимый конфликтный потенциал. Достаточно указать на 1300 лет длящееся соперничество ислама и христианства, на многовековое противостояние индуизма и ислама и т. д., чтобы оценить устойчивость нестабильности религиозного феномена. Если проблема не разрешима известными способами, тогда, возможно, нужно менять систему договоров, зон влияния, создавать Всемирную межконфессиональную хартию. Иначе – риск краха религиозности, а вместе с этим и церкви с непредсказуемыми последствиями. Взамен могут появиться искусственные монстры типа сатанизма, масонства, неоязычества. Ведь свято место пусто не бывает» [1, с. 87].

Несмотря на то, что обозначенные О. Андреевой перспективы краха религиозности представ-

ляются нам все же маловероятными, нельзя не согласиться с объективной необходимостью вывода межконфессионального диалога на качественно новый уровень. Механизм формирования проектов религиозно-политической экспансии еще не вполне изучен. В его основе лежат специфические религиозные постулаты, традиции миссионерской деятельности или опыт религиозных войн прошлого.

Затрудненность процессов ассимиляции и социокультурной интеграции в ряде регионов земного шара порождает гиперидентификацию по национальному или конфессиональному признаку, стремление человека противопоставить своему положению «чужака» статус принадлежности к всеохватывающей «мусульманской», «православной» или иной цивилизационной общности. Тем не менее, с политической точки зрения, даже конфликтный сценарий политико-религиозного взаимодействия не всегда приводит к негативным последствиям. Религиозно осмысленные ценности модернизации, демократии, свободы, вступающие в противоречие с косностью существующих политических систем, произволом, бюрократизмом, авторитарными тенденциями во всех их проявлениях приводят к обострению объективного социально-политического противоречия, разрешение которого способствует продвижению общества по пути прогресса.

Библиографический список

1. Андреева, О. А. Стабильность и нестабильность в контексте социокультурного развития [Текст] / О. А. Андреева. – Таганрог, 2000. – 232 с.
2. Баширов, Л. Л. Учение ислама о войне и мире [Текст] / Л. Л. Баширов // Власть. – 2008. – № 10.
3. Гусаева, К. Г. Конфессиональные конфликты и их проявление в изменяющемся обществе [Текст] / К. Г. Гусаева // Политика и общество. – 2005. – № 9–10.
4. Калывас, С. Религиозные партии и демократическое развитие: опыт Западной Европы, выводы для современного мира / Институт общественного проектирования. Лекция 9 февраля 2007 г. [Электронный ресурс] / С. Калывас. – Режим доступа: <http://www.inop.ru/reading/page135/>
5. Лупарев, Г. Политические и правовые проблемы светской государственности [Текст] / Г. Лупарев // Политика и общество. – 2005. – № 9–10.
6. Нуруллаев, А. А. О соотношении политики и религии [Текст] / А. А. Нуруллаев // Вестник Российского университета дружбы народов. – Сер.: Политология. – 2000. – № 2.
7. Мчедлов, М. П. Религиозная идентичность. О новых проблемах в междивизиональных контактах [Текст] / М. П. Мчедлов // Социс. – 2006. – № 10.